

Класичний приватний університет

ГРАНІ СУЧАСНОЇ ЛІНГВІСТИКИ

Колективна монографія

Том I

Запоріжжя 2013

УДК: 81'42'27'272

ББК: Ш106

Г771

Ухвалено до друку
Вченою радою Класичного приватного університету
Протокол № від 24 квітня 2013 р.

Автори

Ол. Г. Фоменко, В.К. Харченко, Мик.Ф. Алефіренко, В.М. Манакін,
А.М. Приходько, Т.І. Домброван, Ф. Сенн, І.А. Тарасова, О.Г. Хомчак,
О.М. Туркіна (т. 1)

А.П. Мін'яр-Білоручева, Л.А. Нефедова, Э.Ш. Никифорова, Т.М. Хомутова,
А.І. Приходько, Т.В. Моїсеєнко (Іваніна), Ю.А. Зацний, А.В. Янков,
С.М. Енікєєва, О.Є. Кирпиченко (т. 2)

І.М. Колегаєва, доктор філологічних наук, професор (Україна)

Н.М. Білозьорова, доктор філологічних наук, професор (Росія)

Т.В. Симашко, доктор філологічних наук, професор (Росія)

Г 771 Грані сучасної лінгвістики: колективна монографія (на українській, російській та англійській мовах) / В 2-х тт. [за ред. д-ра філол. наук Олени Геніївни Фоменко (Україна) та д-ра філол. наук Віри Констянтинівни Харченко (Росія)]. – Запоріжжя: Класичний приватний університет, 2013. Т. 1. 323 с. Т.2. 304 с.

ISBN

Колективна монографія висвітлює різні напрями сучасної лінгвістики, висвітлюючи пошук нової лінгвістичної парадигми інтегрального, синергетичного характеру як в історії мов, так і на сучасному етапі їх розвитку. У монографії викладаються сучасні порівняльно-типологічні, лінгвосинергетичні, інтегральні, лінгвокогнітивні, лінгвопрагматичні, соціолінгвістичні підходи до мови, тексту і дискурсу, а також розглядається розвиток словникового складу мов. Пропонуються нові рішення назрілих лінгвістичних проблем, які стосуються спадкоємності і системності світорозуміння.

Матеріали монографії зацікавлять викладачів, аспірантів, наукових співробітників, студентів старших курсів факультетів іноземних мов.

УДК: 81'42'27'272

ББК: Ш106

ISBN

Колектив авторів, 2013
Класичний приватний університет, 2013

Зміст

Передмова	5
<i>О.Г. Фоменко, В.К. Харченко</i>	
Том I	
1. ЗАГАЛЬНОТЕОРЕТИЧНІ АСПЕКТИ СУЧАСНОГО МОВОЗНАВСТВА ТА МІЖКУЛЬТУРНА КОМУНІКАЦІЯ	11
ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ И НЕПАРАДИГМАЛЬНЫЕ ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ	12
<i>Н.Ф. Алефиренко</i>	
СЕМАНТИКА МОВ У ЄДНОСТІ ВІДМІННОСТЕЙ	53
<i>В.М. Манакін</i>	
ТРАНСФОРМАЦІЯ КОНЦЕПТОСИСТЕМ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ТРАНСФЕР КОНЦЕПТОВ	77
<i>А.Н. Приходько</i>	
ФЕЛИЦИТАРНАЯ ЛИНГВИСТИКА: МЕТОДОЛОГИЯ, МЕТОД, МАТЕРИАЛЫ	102
<i>В.К. Харченко</i>	
ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА: РАЗВИТИЕ ЯЗЫКА КАК СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС	128
<i>Т.И. Домброван</i>	
2. ЛІНГВОКОГНІТИВНА ТЕОРІЯ ХУДОЖНЬОГО СМІСЛУ	171
JOYCE'S INTERNAL TRANSLATIONS	172
<i>Fr. Senn</i>	
КОГНИТИВНАЯ ПОЭТИКА	196
<i>И.А. Тарасова</i>	
DEVIANT LANGUAGE CONCEPTION: <i>FINNEGANS WAKE</i> BY JAMES JOYCE	238
<i>E.G. Fomenko</i>	
КОНЦЕПТ <i>ДОРОГА</i> В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА	284
<i>Е.Г. Хомчак</i>	

ВЗАЄМОДІЯ ВОЛІ І СМЕРТІ У КОНЦЕПТУАЛІЗАЦІЯХ Т. МАННА <i>О.М. Туркіна</i>	305
Відомості про авторів першого тому	321

КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ КОНЦЕПТА *ДОРОГА* В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Е.Г. Хомчак

Изучение лингвокультурных концептов привлекает сегодня многих исследователей, поскольку дает возможность установить способы языкового осмысления картины мира. Лингвоконцептология синтезирует в себе идеи философского анализа познаваемого мира, когнитивного моделирования действительности, культурологического описания этнической специфики миропонимания, семантического структурирования реальности.

Важный вклад в развитие и становление лингвоконцептологии сделан такими представителями различных современных отечественных и зарубежных лингвистических школ, как Н. Ф. Алефиренко, Н. Д. Арутюнова, С. А. Аскольдов, А. П. Бабушкин, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, В. В. Колесов, Н. А. Красавский, Е. С. Кубрякова, Д. С. Лихачев, В. А. Маслова, М. В. Пименова, З. Д. Попова, А. Н. Приходько, Е. А. Селиванова, Г. Г. Слышкин, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин, В. Н. Телия, Н.В. Фрумкина и др. Труды этих зарубежных и отечественных ученых, бесспорно, являются основой для дальнейших исследований в области лингвоконцептологии, базой для изучения отдельных фрагментов русской языковой картины мира, к которой принадлежит и концепт *ДОРОГА*.

Концепт представляет собой “ментальное образование, которое замещает нам в процессе мысли определенное множество предметов одного и того же ряда” [Аскольдов-Алексеев, 1928: 37]. Концепт, актуализируясь через языковые единицы, фиксируется в лексикографических толкованиях имени (содержательный минимум концепта), в его синонимических связях, образных переосмыслениях, ассоциативных реакциях, сочетаемости, паремиях, художественных текстах и т.п.

Исследованию концепта *дорога* посвящены современные научные работы, в которых рассматриваются лексические средства объективации концепта *дорога* в русском языке [Ипполитов, 2001]; обозначается специфика оппозиции *дом / дорога* [Хренов, 2002] определяются основные элементы культуры *дороги* в русской мифоритуальной традиции [Щепанская, 2003]; репрезентируется концепт *дорога без конца* как русская национальная идея [Лассан, 2003] и др. Наша цель – репрезентация концепта *дорога* в его мифологическом, символическом, образном, ассоциативно-вербальном наполнении.

Исследование базируется на конкретном фактическом материале – лексикографических источниках (“Толковый словарь живого великорусского языка” (1912), “Этимологический словарь русского языка” (1975), “Словарь синонимов русского языка” (1986); культурологическом дискурсе (работы Л. Г. Невской, И. Г. Прыжова, Н.А. Хренова, Т. Б. Щепанской и др.); художественных контекстах с ключевым именем *дорога*, извлеченных методом сплошной выборки из Интернет-версии “Национальный корпус русского языка” и данных свободного ассоциативного эксперимента. Картотека охватывает 1270 художественных контекстов, из которых для непосредственного анализа нами было отобрано 380 наиболее показательных примеров, содержащих лексему *дорога*.

Опыт моделирования концепта *дорога*

В первичной синонимической связке с лексемой *дорога*, по данным словаря В. Даля, состоят лексемы – *путь, каменка, щебенка, стезя, дорожка, тропа, тропинка, торёнка, стёжка, стегá, след* и др. [Даль, 1912: Т. 1: 1176-1178]. Современный словарь синонимов дает такое синонимическое наполнение лексемы *дорога* – *путь, трасса, артерия, путешествие, поездка, путь-дорога, путь-дороженька, проселок, просека, стезя, вояж, турне, поход, ход* [Александрова, 1986: 52].

Как видно, в русской концептуальной и вербальной картинах мира две базовые универсалии *путь* и *дорога*, бесспорно, являются доминантами концептуального ряда. В исторически обозримый период по данным этимологических словарей лексемы *путь* и *дорога* имеют существенные различия в своем смысловом объеме и в условиях функционирования. Так, корень слова *путь* принадлежит к индоевропейскому лексическому пласту (ср. др.-инд. *pánthās* – “след, дорога, путь” [Шанский, 1975: 374]; *дорога* – общеславянское по происхождению образование от основы *дор* – первоначально “расчищенное место” [Шанский, 1975: 129]. Подробнее задерживаться на этимологической глубине *пути* и *дороги* нет особой необходимости, так как с анализом исторического развития семантики обоих лексем в их сближении и расхождении можно ознакомиться в работе О. А. Черепановой “Путь и дорога в русской ментальности и в древних текстах” [см. Черепанова, 2000].

В последние два столетия, по утверждению О. А. Черепановой, можно наблюдать концептуальное и семантическое сближение лексем *путь* и *дорога*, выразившееся в “перетекании” семантического содержания лексемы *путь* в семантическое пространство лексемы *дорога* [Черепанова, 2000: 35]. Исследователь подчеркивает идентичность современного семантического пространства обеих лексем. Тем не менее, хочется отметить, что, формулируя одну из основных оппозиций текстов русской культуры, исследователи говорят об оппозиции *дом/дорога* [Хренов, 2002; Лассан, 2003 и др.], а не об оппозиции *дом/путь*. Несмотря на наличие трех совпадающих понятийных обозначений слов *путь* и *дорога* в толковых словарях современного языка (1. ‘узкая полоса земли, предназначенная для передвижения’. 2. ‘место, по которому надо пройти или проехать’. 3. ‘путешествие’ [Ожегов, 1984: 151, 550]), между ними обнаруживается различие именно на концептуальном уровне, отражающееся в метафорическом употреблении этих лексем (напр. *жажда дороги*, но не *пути*; *держат путь*, но не *дорогу* и т.д.).

Ю. М. Лотман отмечает, что символ *дороги* “содержит запрет на движение в одном направлении, в котором пространство ограничено (“сойти с пути”), и естественность движения в том, в котором подобная граница отсутствует” [Лотман, 1988: 264]. Как известно, Ю.М. Лотман подразделял героев русской прозы на героев замкнутого пространства и открытого пространства, а последних – на героев *степи* и героев *пути*. В отличие от героя *степи*, обладающего свободной непредсказуемостью направления своего передвижения, герой *пути* движется по определенной траектории, имея запрет на движение в каком-либо другом направлении. В *пути* выделяется начало, исходный пункт, т. е. то место, в котором находится герой или участник соответствующего ритуала в момент начала действия, и конец пути (цель движения), кульминационный момент пути.

Мысли Ю. М. Лотмана находят свое развитие в работе Э. Лассан “Дорога без конца как русская национальная идея”. Исследователь, апеллируя понятиями *герой дороги* и *герой пути*, приводит следующие рассуждения: *герой пути* осуществляет движение ради цели, которая для него четко очерчена, и *дорога* – это только средство приближения к ориентиру; *герой дороги* одержим идеей движения, имеющего автономную ценность, и цель – только стимул к движению, она имплицитно движением, но точно не очерчивается, так как может меняться по ходу движения [Лассан, 2003: 268-269].

Идея движения без очерченного ориентира составляет архетипическую идею русского сознания, реализуясь в разные исторические периоды определенным образом в деятельности или тексте, но сохраняя свой инвариант: представление о самоценности движения, а не цели. На наш взгляд, к двум различным вариантам освоения пространства *движение / цель* можно отнести *путешественника* как *героя пути* и *странника* как *героя дороги*. Странничество, являвшееся во все времена для русского человека духовным

феноменом, отличается от всяческих путешествий тем, что не ведает конечной цели в социофизическом измерении.

Архетипы-репрезентанты концепта *дорога*

В разные эпохи в культурах разных народов архетип воссоздает первичные, сущностные элементы ментального опыта человечества. Как общекультурная модель архетип скорее задает некую парадигму развития, нежели дает готовый, заверченный образец. В современной научной мысли прослеживается тенденция к определению архетипа через концепт. Напомним, к примеру, определение архетипа как “универсального концепта” в “Новой энциклопедии Британники” [Новая энциклопедия Британники, 1990: I : 529]. По убеждению А. Ю. Большаковой, архетип – “это *первичный* концепт, определяющий сущностное развитие человеческой цивилизации” [Большакова, 2012: 11]. Если концепты проявляют себя более конкретно и, согласно Ю. С. Степанову, так сказать, в “дробном” виде, то архетипы обладают гораздо более общими, фундаментальными свойствами. Но несмотря на свое тяготение к всеобщности и универсальности, архетип, несомненно, входит в сферу концептов как выразителей национальных ценностей.

Концепт *дорога* как один из “вечных” общечеловеческих образов культуры, в первую очередь, привлекает внимание исследователей своей внутренней глубиной. Он архетипичен: вся совокупность понятий, образов, символов, мифов, связанных с универсумом *дорога* является базой для его концептуализации.

Отметим, что мировая мифология насыщена “*дорожными*” сюжетами, например, путешествия героев Гомера, Д. Дефо, Дж. Свифта, Ж. Верна и др. В европейской литературе Нового времени заметная роль отведена текстам с центральной фигурой *странствующего героя* (Дон-Кихот, Франкенштейн и др.). Концептуализация *дороги* в русской культуре и литературе имеет

длительную традицию от времен “Слова о полку Игореве” и до наших дней. Фольклористика разных жанров располагает огромным пластом накопленных текстов, актуальных среди странствующих людей. Русская средневековая литература – это “хождения” паломников, священнослужителей и купцов в Палестину, Византию, Египет, Италию и Индию; XVIII век – это “Путешествие из Петербурга в Москву” А. Радищева; XIX век – “Письма русского путешественника” Н. Карамзина и т.д. Русские, по выражению Т. Б. Щепанской, – это “движущийся этнос с самосознанием оседлого” [Щепанская, 2003: 8].

Изучение мифологического слоя лексемы-архетипа предполагает поиск первичной информации, скрытой в недрах многовековой памяти. Ощутимую помощь в реконструкции архетипичного слоя концепта *дорога* оказали данные “Толкового словаря живого великорусского языка” В. Даля, ориентированного, в первую очередь, на отображение народной лексики и фразеологии. Так, по В. Далю, на Руси издавна существовали *дорóжные*, т. е. проезжие люди, путники – “*дорóжный*, к дороге относящийся, принадлежащий” [Даль, 1912: Т. 1: 1177]. В этой семантической связке упоминаются однокоренные словообразования – *дорóжник* (дневник для путевых записей) и *дорожняки́* (свободные лошади, пускаемые впереди обоза для обминки снега) [Даль, 1912: Т. 1: 1177-1178].

К *дорóжным* относились разного рода *странники*. Архетипичная лексема *странник* представлена следующими толкованиями – захожий, человек с чужбины, проезжий, прохожий; гость, ищущий где-либо временного приюта; обрекшийся на тунеядное странничество, под предлогом богомолья, скиталец, бездомный проходимец, землепроходец [Даль, 1912: Т. 4: 565]. Лексема *странник* соотносится со значением глагола *страи́ть* (шляться, шататься праздно, бродить по сторонам) [Даль, 1912: Т. 4: 565]. В отличие от *странника* у лексемы *странствователь* обнаруживается несколько иное семантическое

наполнение – путешественник, вояжор, разъезжающий сухопутно или морем по разным странам, по чужбине, по чужим странам [Даль, 1912: Т. 4: 566].

Культурно-национальные установки обычно не носят абсолютного характера, что находит свое подтверждение в амбивалентном статусе *странника* в мифологическом и фольклорном дискурсах. *Странника* часто идентифицировали и с нечистой силой (леший, колдун), и с божественной силой. Одна из форм самоидентификации “божественного” – рассказы странников о святых местах. Фольклор фиксирует легенды о святых угодниках, странствующих в образе нищих. Отсюда характерные статусы *странника* как *паломника* или *божьего человека* (убогого, нищего), а в некоторых случаях его принимали за пророка. Это амбивалентные формы образа “вечного” *странника*, хранимые в мифологических слоях цивилизации. На концептуальном уровне о явлении *странничества* можно говорить как о древнейшем архетипе.

Лексема *странник* выступает в одном синтагматическом ряду со словами *бродяга, скиталец*. *Бродяга, бродила, бродень, бродяжник* – беглый шатун, скиталец, кто произвольно, без права и письменного вида, покинул место оседлости, жительства, службы, скитаясь по чужбине. Лексема соотносится со значением глагола *бразживать* (ходить по разным направлениям, *шататься, слоняться*) и именами существительными *бродница* (слякоть) и *бродня* (ходьба без дела туда и сюда, *праздное шатание*) [Даль, 1912: Т. 1: 316-317]. *Скиталец, скитала, скитун* – кто не живет оседло, бездомный, бесприютный, праздный шатун, чуждающийся своего дома; соотносится со значением имени прилагательного *скитуций* (кочевой) и глаголом *скитаться*: *Муж ревнив, поп глумлив, свекр сердит – пойду скитаться* [Даль, 1912: Т. 4: 185-186]. Тема русского *скитальца* – *дорожного мытаря*, проживающего простую жизнь, не страдая, не угнетаясь этой простотою, но полагая ее за благо, является вековой народной темой во всех жанрах русского фольклора.

Выразительным “архетипическим символом” (термин Э. Райта) *дороги* и знаком статуса *странника* является *посох* – *посошок* (от *соха, сошка* – жердь) –

палка путника, трость, батог, бадиг, батажок, подпиралка, жезл, клюка (*посох* клюкою, либо с костылем), *попутник* [Даль, 1912: Т. 3: 885]. Фразеологизм *взяться за посох* несет в себе значение *пуститься в путь*. Выражение *выпить на посошок* обозначает принять заздравную чарку на *путь-дорожку*. По В. Далю, в этом значении *посох* – это третья рюмка вина, на прощанье (*первая на правую ногу, вторая – на левую, третья на посох: надо, не захромал бы!*) [Даль, 1912: Т. 3: 885-886]. Прямая же функция *посоха* – расширение площади опоры для повышения устойчивости путника; *посох* старорусских странников был оснащен острым наконечником для упора по льду. С этой функцией *дорожного посоха* связано и его символическое значение духовной опоры. Посохом, опорой на тяжелом жизненном пути издавна на Руси была вера и молитва. Подобное значение вполне устойчиво в народном сознании: *Молитвой как посохом подтираемся* [Даль, 1912: Т. 3: 886].

Символическим наполнением отличается лексема-архетип **порог** как первая граница, которую пересекает *путник* в самом начале своего передвижения. *Праг, порожек, порожшика, порожница* – поперечное возвышение, гребень, брус, приступок, уступ, препона [Даль, 1912: Т. 3: 829]. *Дорога* издавна в русской традиции связана с *порогом*: выходящий в дорогу человек всегда минует *порог*, приостанавливаясь на нем. Провожая нежеланных гостей, в старину приговаривали: *Добрый путь, да к нам больше не будь. Вот порог на семь дорог. Вот тебе Бог, а вот тебе порог (или дверь)* [Даль, 1912: Т. 3: 830]. С *порогом* связано множество народных суеверий: *Гостя встречай за порогом и пускай наперед себя через порог. Через порог не здороваются. Через порог руки не подают. На пороге не стоят* [Даль, 1912: Т. 3: 829-830]. *Порог* отделяет бытие от инобытия, открывает путь к глубинному соотношению двух концептуальных смыслов – *дорога / дом*.

В русской традиции *дорога* получает свою определенность, прежде всего, по отношению к *дому*, как его противоположность. Многие современные исследователи отмечают сочетание двух противоположных комплексов, двух

разных полюсов – *дороги* и *дома* [Хренов 2002, Лассан 2003 и др]. Так, Э. Лассан указывает на восприятие русским человеком концепта *дорога* в его соотнесенности с концептом *дом* [Лассан 2003: 265]. Между тем, *дорога* в отличие от *дома* имеет свои собственные закономерности, отмеченные в русской культурной традиции. Не зря ведь в народе говорится – *Дороги к избе не приставишь* [Даль, 1912: Т. 1: 1177].

Бинарная структура культурных архетипов *дорога/дом* находит свое отображение в физической зоне *изменчивость/неизменность*. *Дом* подразумевает *неизменность*, уют, семейный очаг, плодородие; *дорога* предполагает *изменчивость*, беспокойство, неустроенность. Домоседы предпочитают ценность замкнутого пространства *дома*, который ассоциируется с местом личной безопасности и защиты от превратностей природы и «лихих» людей. Любители путешествий видят ценность незамкнутого пространства *дороги*, расширяющей границы “своего” мира. В пословице *Дорога славна ездоками, а обед – пирогами* [Даль, 1912: Т. 1: 1177] трансформируется *ездок* и *едок* – человек *дороги* и человек *дома*. Возникает закономерный парадокс, наблюдаемый в соотношении концептуальных смыслов *дом* и *дорога* – эти два понятия при всей их противоположности нельзя разграничить.

Мифологическим осмыслением наполнены пространственные образы *дороги* – *перекресток* и *развилка*. *Перекресток, перекрест* – место, где дороги пересекаются, расходятся накрест; *раздорожье, раздорожица, кресты*; соотносится со значением глагола *перекрестить, перекрецивать* (положить или сложить накрест) и именем прилагательным *перекрестный, перекресточный* (крестообразный или сходящийся крестом) [Даль, 1912: Т. 3: 149]. *Развилка, развилина* – вилы, рассоха; место, где что-либо раздваивается; соотносится со значением глагола *развилить, развилять, развиливать* (раздвоить, сделать вилами, рассохой, развести надвое) и имени прилагательного *развилистый* (образующий развилину) [Даль, 1912: Т. 3: 1482-1483]. *Перекрестки дорог* и *развилки дорог* издавна считались роковыми и

нечистыми: тут совершались заговоры, хоронили самоубийц, являлась нечистая сила. В народе говорили: *На перекрестках черти в свайку играют* [Даль, 1912: Т. 3: 149].

К дорожным элементам, структурирующим пространство, относится *привал*. *Привал, привалка* – короткая остановка, отдых в походе; соотносится со значением глагола *привалить* (что-то к чему-то, навалиться боком) [Даль, 1912: Т. 3: 1046-1047]. *Привал* – это, прежде всего, *вода, костер, пища*. Выбор места для *привала* не в последнюю очередь определяется наличием реки или ручья. Важнейшая составляющая *привала* *костер*, как временное подобие домашнего очага. *Костер* символизирует объединение: к его огню всегда стремится одинокий путник. И. Г. Прыжов упоминает обычай бродячих нищих во время *привала* ставить в круг костра *посохи* и вешать на них дорожные сумки [Прыжов, 1992].

Особое место в системе *дорожного мировосприятия* занимает архетип *встреча*. М. М. Бахтин еще в начале прошлого века отметил тесную взаимосвязь хронотопов *дорога* и *встреча* [Бахтин, 1975: 247]. С *первой встречей* в *дороге* связаны приметы, трактованные ее как знак, говорящий об успехе или неудаче всего пути. *Дорогу*, в течение которой не попадался ни один встречный путник, в народе называли *пустой дорогой*.

Отметим отчетливую взаимосвязь концепта *путь-дорога* и лексемы-архетипа *судьба* в русской языковой и ментальной картинах мира. Композитная метафора *дорога-судьба* несет в себе значение “бесконечного, безблагодатного пути” [Черепанова, 1999: 32], символизирует вечные тяготы и вечную борьбу. Русский человек, отправляющийся в вынужденную, непредвиденную, роковую *дорогу*, зачастую употребляет фразу-клише, свойственную русской ментальности: *Значит – судьба*. Трудности *пути / дороги*, по утверждению В. Н. Топорова, являются его постоянным и неотъемлемым свойством; двигаться по пути, “преодолевать его уже есть подвиг, подвижничество со стороны идущего” [Топоров, 1983: 257]. *Дорога-судьба* исполнена блужданий и

неустроенности. Метафоризация лексемы *дорога* в значении благополучной судьбы наблюдается значительно реже.

Таким образом, представление о концепте *дорога* в русской языковой картине мира, сосуществует с архетипичными лексемами *странник, бродяга, скиталец, посох, порог, перекресток, развилка, привал, встреча, судьба* и бинарной архетипической моделью *дом / дорога*. Основа этого ряда – первичность воздействия, обеспечивающая верховное положение архетипу, который, в свою очередь, образует некую матрицу для последующей актуализации концепта *дорога* в культурологическом и художественном дискурсах.

Художественная интерпретация концепта *дорога*

В художественном дискурсе символическое, метафорическое наполнение концепта *дорога* является доминирующим явлением. Так, оппозиция *широкая / узкая дорога*, помимо обозначения размеров традиционно несет в себе символическое обозначение благоприятных / неблагоприятных жизненных обстоятельств: *Я думаю, если не раздвинется наша узкая дорога в широкий, творческий путь, то мы начнем понемножку загнивать* (В. Вересаев. Сестры). Выражение *встал на узкую дорожку* в сознании носителей русского языка ассоциируется с человеком, нарушающим общепринятые человеческие нормы. В религиозном контексте члены оппозиции *широкая / узкая дорога* обмениваются символическим значением: в понятие *узкая дорога* может вкладываться значение святости, духовной чистоты, а выражение *широкая дорога* приобретает значение греховной мирской жизни, напр.: *Что для нас дорожке – широкая дорога мира или узкий путь Господень?* (Митрополит Антоний. Воздвижение Креста Господня).

Дорога как символ постижения вечных духовных ценностей может репрезентироваться лексемами-антонимами, напр.: *“Искать Бога, искать*

Христа значит искать эволюцию духа, что и есть дорога счастья” (Г. Орлов. Галерея масонских портретов // Лебедь (Бостон), 2003.08.11); *“Благими намерениями вымощена дорога в ад, обычно вспоминают, когда значительная часть этого пути уже пройдена”* (Г. Горелик. Андрей Сахаров. Наука и свобода, 2004. № 2).

В основе словосочетаний *жизненная дорога, житейская дорога* лежит понимание *дороги* как пространственной материализации трудностей человеческой жизни вдалеке от дома: *“...с этого часа он уже оторван от дома, впереди своя жизненная дорога, свой нелёгкий путь”* (В. Морозов. Адмирал ФСБ // Наш современник, 2004.03.15); *“Оттого, может, и завела его житейская дорога так далеко вбок, что всегда и смолodu тянулся к людям, очерченным резко, хоть иногда кривой линией, но – резко, определенно”* (В. Шукшин. Калина красная) и т. д.

Выражение *жизненная дорога* соотносит дорогу со временем жизни. В обыденной лексике *жить* обозначает *ходить, топтать землю* [Невская, 1980: 230]. Для понятия *жизненная дорога* характерна оппозиция правильная / неправильная, истинная / ложная, честная / обманчивая, прямая / кривая: напр.: *“Очень часто стремление вперед к истине может не сходиться со стремлением вперед по одной дороге, ибо дорога может быть ложна”* (К. Аксаков. Статья в газету // Молва, 1857. № 6); *“Единственная честная дорога – это путь ошибок, разочарований и надежд”* (С. Довлатов. Заповедник).

В сознании русского человека *дорога* – это, как правило, плохая дорога: *бездорожье, распутица*. Русские плохие дороги оказываются символом воли, дают чувство бесконечной свободы. На волю уходит русская дорога, которая не имеет ни начала, ни конца. *Пыль дорог, даль дорог, перекрестки дорог* – метафоры, репрезентирующие ощущение свободы странствующего человека, будь-то в прошлом нищий, странник-богомolec, бродячий торговец или современный представитель определенной субкультуры, путешествующий

автостопом. При этом *дорога* таит в себе много опасностей, она может быть гибельной для человека, что находит свое отражение в пословице: *Смерть дорогу сыщет*. *Дорога* – место, вдоль которого ставят кресты в память о погибших в автокатастрофах. По выражению О. Черепановой, “дорога – это медиатор двух сфер, жизни и смерти, этого мира и ‘того’, своего и чужого” [Черепанова, 1999: 32].

В словосочетаниях *мокрая дорога*, *слякотная дорога*, *пыльная дорога* и т. д. выражены сезонные изменения. *Дорожные* неудобства, связанные с природными катаклизмами, находят свое отражение в сравнительных и фразеологических оборотах: “*просто кисель, не дорога*” (В. Короленко. Чудная); “*дорога – пьяный черт ездил*” (Д. Мамин-Сибиряк. Клад); “*Дорога адская: ручьи, снег, грязь, водомоины...*” (И. Тургенев. Уездный лекарь) и т. д.

Значительная часть художественной объективации концепта *дорога* организуется лексемами, связанными с природной спецификой: *пейзаж*, *поле*, *улица*, *река*, *ветер*, *море*. Например: “... я видел, что *дорога* и *впрямь хороша*, то есть не шоссе, а *обрамление, это классический среднерусский пейзаж*” (Б. Окуджава. Искусство кройки и житья); “*Поле так поле, улица так улица – им все дорога*” (Ю. Домбровский. Хранитель древностей); “*пыльная длинная дорога незаметно превратилась в такую же пыльную длинную улицу*” (И. Грекова. На испытаниях); “*дорога, похожая на волнистую реку, летела с холма на холм...*” (А. Волос. Недвижимость // Новый Мир, 2001, № 1); “*мне везде дорога, где только ветер дует и море шумит*” (М. Лермонтов. Герой нашего времени) и т. д.

Отдельная структурная составляющая концепта *дорога* репрезентируется лексемами *след* и *шаг*. Например: “*Испить бы в зной колодезной воды, да заросли туда следы...*” (Ю. Лоциц. Величие забытых); “*Дорога – шаг, вновь шаг – пригорок*” (В. Измайлов. Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьевых гор) и т. д.

Нахождение в *дороге* означает изменение не просто положения человека в пространстве, но и самой системы координат. В традиционной системе мировосприятия пространство и время как бы взаимопереводимы, и *дорога* соединяет в своей семантике то и другое: выражение *всю дорогу* может означать “все время”, например: *А то так мы всю дорогу и будем подозревать друг друга* (В. Шукшин. Печки-лавочки). Клишированная конструкция *всю дорогу* может нести в себе значение “всю жизнь”: *Я своего муженька-то всю дорогу подминала по-бабьи весело и беззаботно* (В. Астафьев. Обертон); *Он всю дорогу по общагам да по кораблям ошивался* (В. Астафьев. Затеси // Новый Мир, 2000, № 3).

В словаре В. Даля находим перечень характеристик разных *дорог*: *большие*, т.е. общие (почтовые и торговые), *малые* (уездные), *проселочные*, *железная дорога* (железянка или чугушка), *простая* или битая, торная, накатная, *гужевая*, *верховая* и *пешая*, *столбовая* (с верстами), *саженная* или *прóсадью* (обсаженная деревьями), *дорога локтями* (зубцами, частыми поворотами) [Даль, 1912: Т. 1: 1176]. В художественном тексте *дорога* чаще характеризуется обширностью/узостью пространства, влекущей за собой ощущение длительности (*долгая, длинная, длительная, бескрайняя, бесконечная, окольная* и т. д.) и краткости (*короткая, близкая, ближняя, недалняя* и т. д.):

- ощущение длительности пути: “*Дорога становилась все длиннее и длиннее*” (А. Волос. Недвижимость // Новый Мир, 2001. № 1); “*Дорога казалась утомительно долгой*” (А. Варламов. Купавна // Новый Мир, 2000. № 11); “*Дорога в Малаховку была неблизкая*” (Л. Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света // Новый Мир, 2000. № 8); “*Дорога предстояла дальняя и долгая*” (Ю. Домбровский. Хранитель древностей); “*Дорога долгая-долгая*” (В. Маканин. Кавказский пленный) и т. д.
- впечатление краткости пути: “*А до Цепного моста дорога показалась недалней*” (Ю. Давыдов. Синие тюльпаны); “*Дорога, легкая, летела с*

холма на холм...” (А. Волос. Недвижимость // Новый Мир, 2001. № 1); “*Эта дорога была для вас и для меня короткой, взаимообогащающей и приятной*” (С. Спивакова. Не всё) и т. д.

В дороге события привязаны к точкам пространства. Пространственные перемещения традиционно измеряются в часах, днях, месяцах пути: “*Дорога от дома до мастерской занимала никак не меньше часа*”; “*Час дорога туда, час – назад*” (Сергей Довлатов. Солдаты на Невском. 1965); “*Дорога заняла целый месяц*” (Г. Горелик. Андрей Сахаров // Наука и свобода, 2004. № 2); “*Двое суток дороги на поезде – и ты в Крыму*” (Л. Улицкая. Медея и ее дети); “*Пять минут дороги до метро, даже не надо открывать зонт*” (Д. Рубина. На Верхней Масловке) и т. д.

Дорога – это фантом, держащий человека зачастую в плену бессмысленного движения, не дающий перейти к разумной стабильности жизни: “*Это дорога в никуда!*” (Д. Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона); “*Сто дорог прошли мы вдоль и поперек... Только у ног опять лежит заклятый круг больших дорог*” (М. Леонидов. В который раз).

В художественном тексте наиболее распространенным является преломление образа дороги через метафорическую форму представления действия: “*дорога въется по тихой долине к сопкам*” (А. Берсенева. Возраст третьей любви); “*дорога петляет по склонам*” (В. Астафьев. Пролетный гусь); “*дорога убежала прочь*” (И. Муравьева. Мещанин во дворянстве); “*дорога тянулась к вершине холма*”; “*дорога отрезана болотом*” (С. Довлатов. Заповедник); “*дорога с ходу втискивается в проход меж скал*” (В. Маканин. Кавказский пленный); “*на том и на этом по-разному ляжет дорога, и от этого разговоры будут разные...*” (А. Солженицын. В круге первом); “*казалось, дорога вела на небо, потому что, сколько глаз мог видеть, она все поднималась и наконец пропала в облаке*” (М. Лермонтов. Герой нашего времени); “*дорога совсем выпала из памяти*” (И. Грекова. Фазан) и т. д.

Дорога может восприниматься как самостоятельный художественный образ: «*опять колесит дорога*» (Б. Екимов. Фетисыч // Новый Мир, 1996. № 2); «*дорога сбрасывала гнет полосатой запутанной тени кустарников*» (С. Довлатов. Иная жизнь); «*дорога скатывалась к Оке, в серебристую мглу низких облаков и сероватого снега*» (А. Волос. Недвижимость // Новый Мир, 2001. № 1) и т. д.

Художественная интерпретация *дороги* возможна без привязанности к какому-либо глаголу, при этом проявляется вся органичность и неисчерпаемость образа, создаются новые оттенки смысловой перспективы: напр.: «*оловянная от дождевой воды дорога*» (И. Бунин. Грамматика любви); «*ровная, твердая, гладкая дорога: белый фарфор*» (М. Палей. Поминование); «*защищённая стальной рукой шлакбаума дорога*» (В. Пелевин. Желтая стрела); «*дорога убита*» (А. Солженицын. Один день Ивана Денисовича) и т. д.

В развернутой визуальной метафоре (взгляд издалека) *дорога* ассоциируется со змеей, лентой, нитью: «*Там, между полей, змеей вилась дорога и убежала в обетованную землю...*» (И. Гончаров. Обыкновенная история); «*Дорога бежала узенькой снеговой лентой все вдаль и вдаль*» (М. Салтыков-Щедрин. Святочный рассказ); «*Дорога широкой дикой лентой вьется впереди...*» (Л. Толстой. Отрочество); «*Оттуда тянется жёлтая ниточка – дорога, влетающая в паутину таких же нитей*» (О. Гладов. Любовь стратегического назначения); «*Длинной, длинной серой ниткой стоптанных дорог штопаем ранения души*» (Ю. Визбор. Ночная дорога) и т. д..

Художественный образ *дороги* является максимально открытым для дальнейшего многомерного глубокого переосмысления и символической интерпретации.

Ассоциативное поле концепта *дорога*

Интересным представляется рассмотрение круга ассоциаций на слово-

стимул *дорога*, полученных нами в ходе свободного ассоциативного эксперимента. В эксперименте приняли участие 400 человек.

Для лингвокогнитивного анализа были взяты все ответы, в том числе единичные. На основе полученных реакций методом когнитивной интерпретации были сформулированы когнитивные признаки, образующие содержание исследуемого концепта в сознании современных носителей языка. Итак, *дорога* ассоциируется:

- с синонимами слова *дорога* **189** (*путь 142, путешествие 34, полотно 4, дорожка 3, шоссе 3, маршрут 1, направление 1, стежка 1*);
- с транспортными средствами **102** (*машина 70, поезд 16, автобус 11, автомобиль 2, байк 1, колеса 1, теплоход 1*);
- с домом, семьей **76** (*дом 60, поездка домой 10, родня 2, папа 1, родители 1, сестра 1, семья 1*);
- с абстрактными понятиями **55** (*даль 9, жизнь 8; будущее 3, время 3, изменения 3, мысли 3, расставание 3, трудности 3, возвращение 2, интерес 2, неожиданность 2, бесконечность 1, взрослая жизнь 1, воспоминания 1, впечатление 1, дела 1, знакомство 1, карьера 1, любовь 1, неизвестность 1, ощущение дороги 1, романтика 1, судьба 1, цель 1*);
- с природой и природными явлениями **30** (*поля 11, пейзаж 5, море 3, дождь 2, деревья 1, жара 1, камни 1, лес 1, река 1, парк 1, солнце 1, степь 1, тополя 1*);
- с отвлеченным состоянием **23** (*печаль 6, скука 4, одиночество 3, спокойствие 3, тоска 3, ожидание 1, равновесие 1, размышления 1, расслабление 1*);
- с негативными эмоциями **15** (*усталость 5, слезы 2, страх 2, тревога 2, духота 1, мука 1, тяжело 1, шум 1*);
- с протяженностью **13** (*долгий путь 10, расстояние 1, километры 1, неограниченный путь 1*);

- с передвижением **12** (*движение 4, скорость 4, переезд 2, отъезд 1, прогулка 1*);
- с населенным пунктом **10** (*город 3, село 2, Львов 1, новые города 1, Севастополь 1, Судак 1, улица 1*);
- с позитивными эмоциями **10** (*красота 2, счастливое будущее 2, адреналин 1, весело 1, драйв 1, интересно 1, класс! 1, улыбка 1*);
- с людьми **7** (*человек 2, водитель 1, друзья 1, коллектив 1, ребенок 1, таксист 1*);
- с перемещением в пространстве **5** (*бежать 3, гулять 1, ехать 1*);
- с трагическими последствиями **5** (*смерть 2, авария 1, катастрофа 1, потери 1*);
- с географическим названием **4** (*Крым 3, Америка 1*);
- с музыкой **4** (*музыка 3, концерт 1*);
- с типом и качеством дороги **3** (*грунтовая дорога 1, кривой асфальт 1, тротуар 1*);
- с предметами развлечения и отдыха **3** (*телевизор 2, наушники 1*);
- с отдыхом **3** (*выходные 2, каникулы 1*);
- с временем года **3** (*лето 3*);
- с цветом **3** (*серая 1, желтая 1, черная 1*);
- с дорожными атрибутами **2** (*сумки 2*);
- с обучением **2** (*библиотека 1, учеба 1*);
- с напитками **2** (*кофе 2*);
- со временем суток **2** (*ночное путешествие 1, утро 1*);
- с учебным заведением **2** (*университет 2*);
- с действием как состоянием **1** (*можно поспать*);
- с днем недели **1** (*пятница*);
- с указанием на лицо **1** (*мы*);
- с прессой **1** (*журнал 1*);

- соотношение с животным **1** (*собака*);
- с киногероем **1** (*Будулай*);
- с деньгами **1** (*гроши*).

Как видим, концепт *дорога* в сознании современных носителей языка имеет большое количество ассоциативных объективаций, представлен 33 когнитивными признаками, которые организуют его ассоциативно-вербальную модель. **Ядро** концепта состоит из трех самых предсказуемых элементов, которые отражают наиболее значимые для русского человека понятия, связанные с *дорогой*: слова-синонимы 189 (с доминантой *путь* 142), названия транспортных средств 102 (с доминантой *машина* 70), соотношение с домом, семьей 76 (с доминантой *дом* 60). **Околоядерная зона** представлена одним когнитивным признаком: связь с абстрактными понятиями 55 (без ярко выраженной доминанты). **Ближняя и дальняя периферия** состоят практически из одинакового количества когнитивных секторов (10 и 12 соответственно), но по частотности реакций, объективирующих когнитивные признаки, значительно преобладает ближняя периферия (с доминантой *поля* 11). **Крайняя периферия** (объединяет признаки, представленные единичными реакциями) включает 7 признаков, что составляет 1% по числу полученных ассоциатов. Больших разрывов между зонами не наблюдается.

Выводы

Итак, концепт *дорога* является важным культурным концептом русской языковой картины мира, обладающим многослойной и многокомпонентной структурой и организующим большое количество лексических единиц. *Дорога* в коллективном сознании, в языке и речи – тема, имеющая концептуальное звучание. Понятия *путь* и *дорога* неразрывно связаны в теле одного смыслового единства – концепта, но представляют собой разные его аспекты.

Процесс исследования мифологического и культурного слоев концепта *дорога* определил фундаментальные архетипичные лексемы *странник, бродяга,*

скиталец, посох, порог, дом, перекресток, развилка, привал, встреча, судьба составляющие на концептуальном уровне первооснову его концептуального пространства. В этом ряду особое место занимает бинарная архетипическая модель *дом / дорога* как отражение физической зоны *неизменность / изменчивость*. Эти знаки являются архетипичными лексемами-репрезентантами концепта *дорога*.

Значительная часть интерпретационного слоя концепта *дорога* в художественном тексте организуется лексемами, связанными с природной спецификой, пространственно-временным хронотопом, обширностью пространства, художественной символикой, сферой жизненной устроенности / неустроенности. Анализ сочетаемости репрезентантов концепта с другими лексемами показывает, что *дорога* может быть как прямой, так и кривой (последнее – чаще в сочетании с лексемой “дорожка” с негативным оттенком), как долгой, так и короткой (не только по фактору физической протяженности, но и по временному), как легкой, так и трудной, нередко приобретая глубоко символическое значение. Концепт *дорога* является максимально открытым для метафорической интерпретации в художественном тексте.

Концепт *дорога* в сознании современных носителей языка представлен 33 когнитивными признаками, Ядро концепта включает центр и базовый слой. Центр концепта состоит из трех элементов – слов-синонимов (с доминантой *путь*), названий транспортных средств (с доминантой *машина*), соотношения с домом, семьей (с доминантой *дом*). Базовый слой концепта образован когнитивными секторами, соотносимыми абстрактными понятиями, с природой и природными явлениями, с негативными эмоциями, с протяженностью дороги, со скоростью, с населенным пунктом, с позитивными эмоциями, с людьми и т.д. Компактное ядро и не очень обширная крайняя периферия свидетельствуют о сложившемся, ярко выраженном стереотипном представлении о *дороге* в обыденном сознании современных носителей русского языка.

Библиографический список

1. Archetype // The New Encyclopedia Britannica. – Chicago, 1990. – V. 1. – 529 p.
2. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Ок. 9000 синон. рядов / З.Е. Александрова / Под ред. Л.А. Чешко. – 5-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1986. – 600 с.
3. Аскольдов-Алексеев С. А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов-Алексеев // Русская речь: Новая серия. – Л., 1928. – С. 28-44.
4. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе / М.М. Бахтин. – Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. – М.: Худож. литература, 1975. – С. 234–407.
5. Большакова А.Ю. Теория архетипа и проблемы концептологии / А.Ю. Большакова // Південний архів. Філологічні науки: Збірник наукових праць. Випуск LIV. – Херсон: ХДУ, 2012. – С. 10-20.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль – В 4-х т., 4-ое испр. и доп. изд. под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ. – СПб.-М.: Издательство т-ва М. О. Вольф, 1912. (В тексте даны ссылки на том и страницу).
7. Ипполитов О.О. Лексические средства объективации концепта «дорога» в русском языке / О.О. Ипполитов // Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка на рубеже XX – XXI вв.: Сборник статей. – Воронеж: ВГУ, 2001.
8. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во II половине XX века / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. – М.: Рос. гуман. ун-т, 1995. – С. 114–238.
9. Лассан Э. Еще раз о значении, концепте и концептосфере / Э. Лассан // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса Междунар. ассоциации преподавателей рус. яз и лит: в 2 т. / Под ред Е.Е. Юркова. – СПб: Политехника, 2003. – Т. 1. – 265-274 с.
10. Лотман Ю. . Проблема художественного пространства в прозе Гоголя. – Москва: Просвещение, 1988. – С. 251-292.
11. Невская Л. Г. Семантика дороги и смежных представлений в погребальном фольклоре / Л.Г. Невская // Структура текста. – М.: Наука, 1980 – С. 228-239.
12. Ожегов С. . Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / С.И. Ожегов // Под ред. докт. филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. – 16-е изд., испр. – М.: Рус. язык, 1984. – 797 с.
13. Прыжов И. . Двадцать шесть московских лжепророков, лжеуродивых, дур и дураков / И.Г. Прыжов // История кабаков в России. – М.: Наука, 1992. – С. 321-379.
14. Топоров В.Н. Пространство и текст / В.Н. Топоров // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. – С. 227-284.
15. Хомчак О. Г. Концептуальная модель дороги в русской языковой картине мира // Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Серія «Філологічна» : збірник наукових праць / укладачі : І. В. Ковальчук, Л. М. Коцюк, С. В. Новоселецька. – Острог : Видавництво Національного університету «Острозька академія», 2015. – Вип. 52. – С. 269-271.
16. Хренов Н.А. Культура в эпоху социального взрыва / Н.А. Хренов. – Москва: Едиториал, 2002. – 448 с.
17. Черепанова О.А. Путь и дорога в русской ментальности и в древних текстах / О.А. Черепанова // Материалы XXVIII межвуз. научн.-метод. конф. преподавателей и аспирантов. – Вып. 7. – СПб: Изд-во СПбГУ, 1999. – С. 29-36.
18. Шанский Н.М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка – М.: Просвещение, 1975. – 543 с.
- Щепанская Т. . Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX – XX вв.: Монография / Т.Б. Щепанская. – Москва: Индрик, 2003. – 527 с.